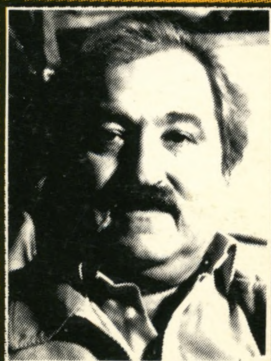
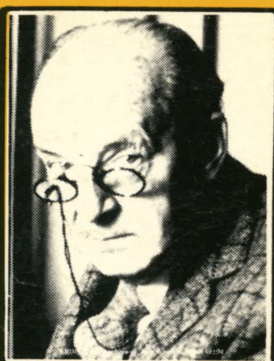
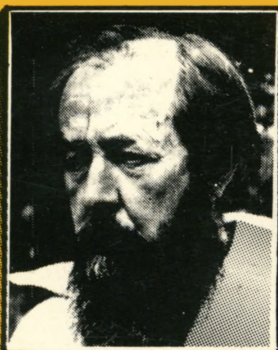

№1(61)

1989 г.

СТРЕЛЫ

АЛЬМАНАХ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

ВЫСТУПЛЕНИЕ ВАСИЛИЯ АКСЕНОВА

В русской эмиграции немало говорят о так называемом «затворничестве Солженицына», очень популярная тема на вечеринках. Всякий раз, когда мне приходится слушать эти разговоры, я вспоминаю рассказ моей матери Евгении Гинзбург о ее встрече с Александром Исаевичем.

В середине шестидесятых годов ее книга «Крутой маршрут» широко циркулировала в Самиздате, по некоторым оценкам число самодельных копий достигло пяти тысяч. Солженицын к тому времени уже напечатал всю свою «новомирскую прозу». Он все еще считался как бы «новомирским автором», но в Самиздате уже начали циркулировать и «Раковый корпус», и «В круге первом», и все уже чувствовали, что собирается гроза, хотя никто тогда еще не мог предвидеть ее масштабов. Встреча двух писателей, вырвавшихся из ГУЛАГа, была вполне естественной и даже вроде бы нужной.

Не помню точно, когда и где она состоялась, потеряны, увы, и многие из рассказанных мамой деталей, но одна тема их разговора врезалась в память.

Он спросил: сколько вам лет? Вопрос для немолодой дамы не очень-то привлекательный, если за ним не предполагается комплимента. Complimenta явно не предполагалось, и мама назвала свою цифру. Солженицын записал ее на листочке чистой бумаги. На осьмушке бумаги, как говаривали в старину. Далее он спросил: а как вы себя чувствуете? Вопрос звучал скорее, в медицинском, чем в светском ключе. Мама сказала «терпимо», что тогда вполне соответствовало действительности. Опрос продолжался. Сколько страниц в день вы пишете? Мама прикинула: что-то вроде шести, когда хорошо идет. Солженицын и эту цифру записал. Далее на глазах изумленной мамы началась калькуляция. Итак, в среднем вы можете писать столько-то страниц в день. Предположим, вы сможете работать активно еще столько-то лет. Каждый год – это столько-то рабочих дней. Помножим. Итак, вот число страниц, которых вы *должны* написать. Эту цифру вы *должны* всегда держать в уме. Это ваш *долг*, Евгения Семеновна, написать вот столько-то страниц о вашем жизненном пути и о Гулаге.

Мама рассказывала эту историю не без улыбки, вот, дескать, какой одержимый человек, однако нет никакого сомнения, что разговор с Солженицыным подтолкнул ее к дальнейшей работе, которая в конечном счете вылилась во второй том «Крутого маршрута».

Можно только себе представить насколько суров счет, который Солженицын предъявляет к самому себе, насколько неумолима его само-калькуляция. Секрет так называемого затворничества именно в этом. Писать, писать, отмывать обосравшуюся во лжи историю.

Лично для меня такой подход к писательскому долгу является недостижимым нравственным пределом с его высшей серьезностью, ощущением важности исторического пути и преодолением соблазна сочинительства.

В декабре нынешнего года Александру Исаевичу Солженицыну исполнилось 70 лет. В декабре 1962 года, когда он триумфально явился в русскую (и советскую тех лет) литературу, ему было сорок четыре. Окиньте взглядом пространство, пройденное за это время этим человеком – насколько оно больше одной жизни! Труд его и по-

двиги (очень просто в данном случае извлечь это слово из порочного круга словесной инфляции) отмечены поистине Геракловым масштабом, а из приключений последнего вспоминается, конечно, прежде всего, очистка Авгиевых конюшен, ибо именно к этому и направлены все труды Солженицына – к очищению. В своде народной мудрости есть одна лицемерная мерзость, призывающая «сор из избы не выносить», то есть смерди внутри избы, лишь бы соседи не подумали, что у нас какой-то сор завелся. Тоталитарные владыки этой идеей одержимы, причем даже с какой-то наивностью: неужели всерьез думают, что все останется шито-крыто? Простой и мощный призыв Солженицына «жить не по лжи» ошеломил хранителей сора, даже как бы подорвал основы их «веры». Этот призыв к выбросу вони прежде всего из собственных душ стал, пожалуй, основным религиозным и нравственным кредо нашего поколения россиян.

Помню, еще в Москве читали мы в эмигрантском журнале, скорее всего в «Континент», записки одного диссидента. Этот смелый человек рассказывал, что во время допросов в гзбэ он опирался на так называемую триаду Солженицына – «не верь, не бойся, не проси». Вновь поражает простота и мощь этой тройной задачи, вдруг видишь, что и одиночка может быть не так уж безоружен перед карательной машиной.

Войдя в разгаре «оттепели» в советскую литературу, Солженицын как бы предложил ей иной путь развития. Поначалу казалось, что она даже готова принять этот путь. Кандидатура автора «Одного дня из жизни Ивана Денисовича» была выдвинута на Ленинскую премию, в «Правде» появилась статья советского классика, объявляющая скромного учителя из Рязани советским Львом Толстым, хотя место «большой медведицы пера» давно уже было вроде бы занято Шолоховым. Очень скоро, однако, оказалось, что другого пути советская литература принять не может, просто потому что другого пути для нее не существует.

Вообразим фантастическое. Солженицын получает Ленинскую премию за «Один день». В советской литературе

стало быть укрепляется «лагерная тема». Последствия могли стать необратимыми для самой передовой цензурной системы в мире, именуемой методом социалистического реализма. Правдивый и страстный разговор о прошлом в конечном счете привел бы к выводу на чистую воду тех, кто с этим прошлым повязан грязными делами, кто и по сей день правит в Союзе писателей. Аппаратчикам вряд ли удалось бы адаптировать Солженицына, как это случилось с такими писателями, как Бондарев и Бакланов. Отвержение Солженицына было для советской литературы рефлексорным актом самозащиты.

Феномен Солженицына по сути дела убил литературу «оттепели» с ее почти стабильно уже отработанной системой намеков, аллюзий и кукишей в кармане. Намек становится неуместным вздором, когда бок о бок с тобой находится человек, говорящий на ту же тему в полный голос. В этой связи уместно провести параллель между Солженицыным и Евтушенко. Лидер нашей прозы и лидер поэзии оба занимали отчетливо выраженную гражданскую позицию. До появления Солженицына Евтушенко был кумиром мыслящей молодежи, непрекаемым вождем так называемого «четвертого поколения». Пойди Евтушенко вровень с Солженицыным, таким бы и остался. Увы, не смог, пропустил темп, остался в позе стареющего придворного шалуна, а фигушка превратилась в непристойное шевеление пальцами в кармане.

Жизнь показала, что проза острее чувствует мерзость полуправды, чем поэзия. Многие из бунтарей-поэтов шестидесятых годов стали благополучными конформистами, в то время как проза почти в полном составе, за исключением «деревенщиков», последовала по новому пути и взбунтовалась.

Благодаря Солженицыну и совершенно неожиданно для властей одним из поворотных пунктов в литературе «оттепели» оказался VII съезд Союза писателей СССР. Поначалу он проходил чинно-благородно в Большом Кремлевском дворце со всеми «этими делами», сидящими в президиуме, и с либеральными шепотками в кулуарах. Тот год почему-то выдался влажным, мягким. Меня тогда к полному моему удивлению вместе с Евтушенко, Вознесен-

ским, Казаковым, Окуджавой выдвинули в Ревизионную комиссию. Мы стояли на знаменитой парадной лестнице, по которой когда-то генералиссимус спускался, окруженный своими ворошиловыми и бериями, и отчаянно «хохмили»: вот, дескать, были ревизионистами, а стали членами ревизионной комиссии. Неподалеку глумливо ухмылялся главный литературный аппаратчик Беляев.

И вдруг на следующий день улыбочка слетела с булыжной образины. Атмосфера съезда разительным образом переменилась, наполнилась электричеством. Чуть ли не несколько сотен делегатов съезда получили размноженное на папиросной бумаге письмо Солженицына. Он призывал – шутка ли! – просто-напросто покончить с нашей привычкой и даже, как видим, иногда и уютной душительницей, литературной цензурой. Улыбочки, шепотки и подхихикивания разом были покрыты мощным и суровым голосом правды. Писатели пришли в волнение. Не удержусь от соблазна употребить здесь восхитительную фразу – кулуары забурили! В президиум посыпались записки с требованиями слова. Составлено было несколько писем с требованием отмены цензуры. Это был не просто скандал в благородном семействе, но, повторяю, поворотный пункт для многих из нас – хватит ходить пай-мальчиками под глумливой улыбочкой партийного дядьки. Так из хитрой и не очень-то успешной игры выростала идея открытого сопротивления.

Едкая проза Солженицына навсегда смыла плакатный грим с идеологической образины и обнажила перед всем миром ее глумливую улыбку. Влияние солженицынских идей распространилось по всему спектру политической мысли Запада. Среди его «детей» и французские бунтари, так называемые «новые философы», и молодые консервативные либералы Соединенных Штатов.

У нас, в эмиграции, сколько голов, столько и мнений. Немало есть мудрецов, что катят бочки на Солженицына, для иных хула, посылаемая в сторону Вермонта, стала уже как бы «делом чести». Обвиняют писателя в упомянутом уже затворничестве, в аятолизме, в реакционном русском национализме. Иные критики договарива-

ются даже до того, что Солженицын ратует за установление в будущей России мрачного клерикального режима, при котором гражданские свободы будут подавлены еще пуще, чем при коммунизме.

На мой взгляд, если уж говорить о столь широком и многоцветном течении, как национализм, Солженицын представляет в нем самую светлую струю просвещенного русского патриотизма, во главе угла у которого стоит не биология, но культура, и где на русского смотрят не как на владыку, но как на жертву, спасением которой должен быть озабочен каждый интеллигент не меньше во всяком случае, чем свободой печати.

Не могу сказать, что я со всеми идеями Солженицына согласен. Не могу, например, согласиться с его оценкой русского либерализма между Февралем и Октябрем. Мне кажется, что не разнузданность либерализма привела к большевистскому перевороту, а как раз его слабость, количественная и качественная недостаточность.

Ежедневно вихляясь между «измами», мы должны быть благодарны Солженицыну за то, что он силой своего пера и личным нравственным примером ослабил влияние существительных с этими язвительными окончаниями и протер до отчетливого блеска наречия с окончанием на «о» — такие, как «чисто», «грязно», «подло», «честно»...

В.Аксенов

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	3
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ	
<i>Юрий Кублановский</i>	
С доверием к географии. Стихи	4
<i>Юрий Мамлеев</i>	
Отражение. Здравствуйте, друзья! Рассказы	8
<i>Генрих Сапгир</i>	
Этюды в манере Огарева и Случевского. Стихи	17
<i>Владимир Максимов</i>	
И аз воздам. Отрывок из романа	20
<i>Дмитрий Бобышев</i>	
Из книги: Звери Св. Антония. Бестиарий. Стихи	27
<i>Аркадий Бартов</i>	
Кое-что о Мухине. Повесть	37
<i>Татьяна Щербина</i>	
Из книги «Ноль-Ноль». Стихи	62
<i>Сергей Юрьенен</i>	
Медовый месяц. Отрывок из романа «Желание быть испанцем»	69
<i>Анри Волохонский</i>	
Песнь о Хасаре	86
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
<i>Юрий Кублановский</i>	
Мастерство. О прозе Татьяны Толстой	90
<i>Наталья Иванова</i>	
Шоковая терапия	93
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ	
<i>Владимир Набоков</i>	
Знаки и символы. Рассказ	121
<i>Георгий Иванов</i>	
Эллис. Рассказ человека из богемы	128
<i>Юрий Анненков</i>	
Ночное путешествие. Рассказ	137
ЭССЕ	
<i>Василий Аксенов</i>	
Чувство России	148
<i>Борис Тираспольский</i>	
По гамбургскому счету	154
НАШЕ ИНТЕРВЬЮ	
Беседа с Татьяной Толстой. «Идеи гласности и перестройки интеллигенция поддерживает...»	161
Параджанов покоряет Париж (перевод беседы корреспондента газеты «Либерасьон» с Сергеем Параджановым)	174

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Натан Эйдельман

Проблемы и задачи политической истории
России XVII-XIX веков или рассказ о перестройках
с хорошим концом и перестройках с плохим
концом. Выступление в Париже, в Сорбонне,
в июне 1988 года 179

Дора Штурман

Размышления на крутом склоне 189

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

Александр Глезер

Живопись на страницах «Огонька» 213

РАЗГОВОР О ЖУРНАЛЕ

Прощаясь с ежемесячником «Стрелец». Беседа
Александра Глезера и Сергея Юрьенена 218

Вадим Крейд

Приветственное слово «Стрельцу» 233

НАША КОНФЕРЕНЦИЯ

Международная конференция,
посвященная А.И.Солженицыну 236

Письмо А.И.Солженицыну
от участников конференции 237

Юрий Кублановский

Приветствие солженицынской конференции 238

Выступление Василия Аксенова 239

Выступление проф. Валерия Сойфера 245

Александр Глезер

Солженицын и эмиграция 249

Дмитрий Бобышев

Два лауреата 254

Галина Бови-Кизилова

Солженицын и Россия — неразделимы 261

Борис Тираспольский

Исполнение миссии 264

Проф. Джон Б. Данлоп

Как Александр Солженицын был почти
реабилитирован и снова предан анафеме 269

Юрий Кублановский

Стиль и историософия «Красного колеса»
А.И.Солженицына 283

Лев Посев

Солженицынские евреи 294

Дора Штурман

Несколько слов к семидесятилетию Солженицына 312

СОЛЖЕНИЦИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ

По сообщению газеты «Нью-Йорк таймс» от 13 декабря 1988 года, в Москве 11 декабря состоялись торжественные собрания, посвященные семидесятилетию А. И. Солженицына. Эти собрания прошли в Доме кинематографистов, Доме Архитекторов и в Доме медицинских работников.

В Доме кино выступили с речами председатель Союза кинематографистов Андрей Смирнов, литературные критики Игорь Виноградов, Владимир Лапшин, Юрий Корякин и главный редактор газеты «Московские новости» Егор Яковлев. Последний сказал: «Мы должны принять его таким, каков он есть» (обр. перевод с англ.). И. Виноградов в своем выступлении, под аплодисменты присутствующих, упомянул «Архипелаг ГУЛАГ». А Ю. Корякин заявил: «Дайте Солженицыну быть антикоммунистом. Достоевский был антикоммунистом, но можем ли мы называть его нашим врагом?» (обр. перевод с англ.).

Отдавая дань мужеству выступавших (напомним, что незадолго до солженицинских торжеств в Москве новый идеолог партии Вадим Медведев объявил на встрече с редакторами газет и журналов, что произведения и само имя писателя не должны больше упоминаться в печати), «Нью-Йорк таймс» замечает, и редакция «Стрельца» к этому замечанию присоединяется, что московские торжества, посвященные А. И. Солженицыну, не могли состояться без разрешения свыше.